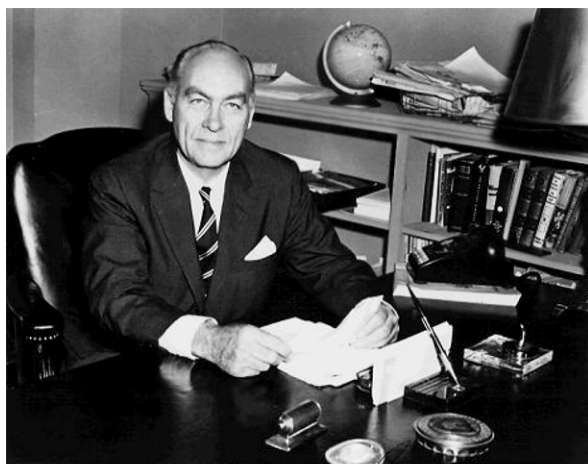

ОЦИФРОВАННЫЕ ГОЛОСА ПОКОЛЕНИЙ

Борис Докторов
 доктор философских наук, профессор,
 независимый исследователь
 bdoctorov@inbox.ru

Год назад в Телескопе было опубликовано мое интервью с одним из начинателей изучения общественного мнения в советской России Б.М. Фирсовым [6]. В частности, он рассказывал о его встрече с Джорджем Гэллапом в Американском институте общественного мнения в Принстоне. Фирсов отметил, что расставались они дружески, но не упомянул о том, что Гэллап подарил ему на память свою фотографию с дарственной надписью. Зная о моем интересе к творчеству Гэллапа, пару лет назад Б.М. Фирсов передал эту фотографию мне; она публикуется ниже.

Приводимая фотография Гэллапа известна относительно небольшому числу аналитиков общественного мнения и историков данного исследовательского направления. Она расположена на задней стороне суперобложки книги Гэллапа по общепсихологическим, социально-психологическим, этическим и педагогическим проблемам изучения сознания и социализации человека [16]. Эта работа увидела свет сорок лет назад, и она чрезвычайно важна для понимания природы творчества Гэллапа и его гражданских установок. Но в настоящее время книга редко цитируется в американской литературе, а в России, думается, ее знают совсем немногие.

Мне крайне приятно поблагодарить Б.М. Фирсова за сохраненный им фотопортрет Гэллапа и историка Фатеха Вергасова за тщательно сделанную электронную копию фотографии. Благодарю также к.ф.н. Наталью Мазлумянову за прочтение рукописи статьи и высказанные замечания.

Введение

Каждый, кому приходится анализировать результаты опросов, в которых измеряется отношение людей к достаточно сложным, многомерным явлениям, процессам, на определенном этапе работы начинает чувствовать свою зависимость от рассматриваемых материалов. В многообразии цифровых показателей, в графических представлениях данных хочется найти гармонию, и если она не обнаруживается, то это порождает исследовательский, а иногда и личностный дискомфорт.

Если аналитик убежден в верности всех операций в цепи осуществленных измерений, то он будет доверять полученным числовым показателям, итогам математических преобразований его информации, другими словами, создаваемой им интерпретационной картине. С другой стороны, если по каким-то причинам этого внутреннего доверия нет, сомнения будут не в «математике», пересматриваться будет логика исследования, система априорных представлений, исходные гипотезы.

Естественно, это не та религиозная мера зависимости от числа, которую испытывали пифагорейцы, видевшие в цифре, числе, в нумерических зависимостях некие скрытые от них закономерности мироздания. Тем не менее нормальный исследователь, приступая к изучению итогов сложной математической обработки измерений, поначалу испытывает некий трепет, иногда страх, и уж потом — радость, если полученные математические представления прочитываются, помогают увидеть новое в познаваемых им социальных реалиях.

Но, пожалуй, особой мифической силой обладают ряды наблюдений, передающие динамику общественного мнения на протяжении многих десятилетий. При первом взгляде на них виден лишь характер изменений, геометрия графического представления и возникает желание просто описать эти траектории. Но потом, когда осознаешь, что это не просто ряды чисел, что за ними суждения, высказанные несколькими поколениями, начинаешь трактовать эти ряды как уникальные документы истории страны и культуры населения. Тот факт, что опросы общественного мнения родились в США в середине 1930-х годов, то обстоятельство, что Джордж Гэллап (George Horace Gallup, 1901–1984) обладал особым видением социального времени, свойственным серьезным социологам, ставит сегодня эту страну и американских ученых в особо благоприятные условия. О событиях второй половины XX века можно судить не только по сохранившимся документам, фотографиям, личным воспоминаниям, но и в опоре на результаты репрезентативных опросов. Другими словами, впервые в мировой истории появилась возможность напрямую анализировать динамику общественного сознания сменяющих друг друга поколений.

Каждый знает, что разглядывание старых фотографий с изображением давно умерших людей, а также домов, улиц, городов, какими они были десятилетия назад, прослушивание музыкальных мелодий давних лет, особенно воспроизводимых на инструментах того времени, рассмотрение предметов быта — все это мощно погружает в прошлое, заставляет увидеть его по-новому и задуматься о нем. Такой же внутренней силой, энергетикой обладают, тем более — будут обладать для будущих исследователей длинные ряды наблюдений за общественным сознанием. Предстоит лишь найти способы их анализа, прослушивания этих оцифрованных голосов действующих поколений и поколений, существующих в памяти живущих.

Несколько лет назад в двух статьях, опубликованных в «Телескопе», мною была рассмотрена десятилетняя история создания Гэллапом вопроса о популярности действующего американского президента [4]. Этот вопрос считается одним из самых «задаваемых» в мировой практике мониторинга общественного мнения, и, хотя в неизменном виде он используется с 1945 года, он не самый «старый». В истории гэллаповских зондажей общественного мнения есть несколько вопросов, которые в неизменной, или почти неизменной, формулировке используются уже семь десятилетий, есть — отметившие свой шестидесятилетний юбилей, и десятки вопросов с полувекковой историей.

В статье преследуются две цели. Во-первых, ввести в российскую литературу тематику супердлинных рядов измерений общественного мнения. Вторая цель — обсудить историко-методологические вопросы, относящиеся к причинам возникновения и жизненности серии гэллаповских индикаторов общественного мнения, а также общие проблемы анализа этих рядов. В целом настоящая работа продолжает мои исследования истории и будущего современной выборочной технологии опросов общественного мнения, результаты ко-

того регулярно публикуются в «Телескопе» и обобщены в двух монографиях [2,3].

При разработке обозначенной тематики невозможно не воспользоваться фундаментальной работой трех крупных политологов и специалистов в области изучения общественного мнения — Р. Ними, Д. Мюллера и Т. Смита, в которой представлены данные о трендах большого числа политических, социальных, религиозных и других установок [23]. Это издание охватывает период с 1935 по 1988 год, т.е. первые полстолетия наблюдений за динамикой массовых установок. Более поздний материал, отражающий анализируемый аспект деятельности The Gallup Organization, взят с открытой и платной частей корпоративного сайта <http://poll.gallup.com>. Главным гидом в мир самых длинных рядов является обстоятельный обзор Ф. Ньюпорта, Д. Мура и Л. Саад, выполненный в конце 1999 года. В нем кратко прослежена 65-летняя история жизни индикаторов, рожденных Гэллапом и до сих пор используемых его последователями [22, с.1].

Наследие, возрастающее в цене

Важно обратить внимание на один момент, не нашедший четкого отражения в работах американских исследователей динамики общественного мнения. Опросы второй половине 1930-х, проведенные Гэллапом и другими полстерами, отражали мнение взрослого населения, т.е. тех, кому на момент опроса было не менее 18 лет. Скажем, в 1938 году в выборку входили респонденты, рожденные в 1920 году и раньше. Очевидно, доля самых молодых в выборках не могла быть высокой, основная часть респондентов представляла более старшие поколения, родившиеся в начале XX века и в двух-трех последних десятилетиях XIX столетия. Другими словами, подавляющее большинство участников опросов тех лет формировались как личности в стране, качественно отличной от той, какой была Америка в годы проведения первых выборочных опросов общественного мнения. Некоторые данные о населении страны в начале века и в 1930 году собраны в таблице 1.

Таблица 1. Общие данные о населении Америки в 1902, 1930 и 2000 годах [7, 11, 17].

Характеристики населения	1902	1930	2000
Суммарная численность (млн.)	79,2	122,8	281,4
Страна наибольшего числа людей, рожденных вне Америки	Германия (2,7 млн.)	Италия (1,8 млн.)	Мексика (7,8 млн.)
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	51,5	59,7	77,1
Средний возраст (медиана, лет)	22,9	26,5	35,3
Численность населения Калифорнии (млн.)		5,7	33,9
Доля людей с полным школьным образованием (%)	6	-	84
Доля женщин среди работающих (%)	19	24	61
Доля семей, состоящих из одного человека (%)	5	8	26
Среднее число людей в семье	4,8	4,1	2,6

Таким образом, характер статистических распределений мнений, полученных в тех пионерных зондажах, следует интерпретировать как комбинацию голосов людей, воспитанных на ценностях XIX века, и людей, усваивавших в юности ценностные ориентиры Америки начала XX столетия; причем «вес» старших возрастных групп респондентов был значительно выше «веса» голосов молодежи. Хотя формально вопросы, предлагаемые Гэллапом в конце 1930-х годов прошлого века и используемые в наше время, охватывают период в семь десятилетий, полученная с их помощью информация фактически отражает ценностные структуры сознания американцев, существовавшие в течение всего прошедшего столетия и еще не менее трети XIX века. По моим грубым оценкам наиболее длинные ряды измерений отражают, оцифровывают мнения восьми-десяти поколений американцев.

В 1960 году, представляя читателям книгу своего коллеги Джона Фентона (John M. Fenton, Jr., 1929–2004) [18], Гэллп пунктирно обозначил сделанное за первые четверть века проведения опросов. Он отмечал: «Уже в течение двадцати пяти лет проводится систематическая работа, направленная на то, чтобы оценить американское общественное мнение по важнейшим проблемам, стоящим перед нацией. Этот продолжительный период — 1935–1960 — охватывает завершение Депрессии, беспокойные годы перед Второй мировой войной, войну, неопределенность послевоенных лет, начало «холодной войны» и совсем недавний период улучшения жизни внутри страны и развития индустрии. Таким образом, представляется уникальная возможность для изучения взглядов населения Америки, находившегося в крайне широком спектре жизненных обстоятельств, и принятию заключений о том, как простые люди страны реагируют на происходящее в периоды стресса, а также в периоды благополучия» [14, с. VII].

С момента написания Гэллапом этих слов прошло более сорока лет. Америка участвовала в нескольких войнах, завершилась «холодная война», общество вступило в фазу постиндустриального развития, американцы побывали на Луне, принципиально возросло влияние Америки на ход глобальных процессов, компьютерные сети и Интернет стали обыденностью. Иными стали мир и люди, иным стало их сознание. Благодаря гэллаповским вопросам-долгожителям американское общество и наука получили уникальную возможность видеть многие из этих изменений в оцифрованной форме. Это легко понять, но трудно осознать. Невозможно даже в первом приближении обозначить политические, социальные и собственно научные следствия, вытекающие из этого уникального по любым параметрам массива социальной информации.

Историки и социологи только приступают к разработке методологии и методов анализа собранной более чем за полвека информации, делают первые выводы об изменчивости общественного сознания в процессе длительного развития общества. Впервые открываются возможности для глубокого изучения способности общественного мнения отражать реальность. В названном выше тексте Гэллп выражает полное согласие со словами Роберта Милликена (Robert Andrews Millikan, 1868–1953), Нобелевского лауреата в области физики и человека, глубоко разбиравшегося в вопросах политики и морали. Комментируя результаты изучения отношения населения к войне, их готовность переносить тяготы военного времени, Милликен писал: «Если все это не показывает, что средний американец умнее и совестливее, чем его политические лидеры, тогда я ничего не понимаю в настоящем мышлении и настоящей морали (тогда я не способен распознавать настоящее мышление и настоящую мораль)».

Прошли десятилетия, и именно анализ длинных рядов позволил современным аналитикам общественного мнения сформулировать, во-первых, ряд общенаучных и методических выводов, снимающих недоверие многих к способности населения адекватно оценивать сложные социополитические процессы и, во-вторых, сомнения относительно эффективности измерения мнений. То, что на заре изучения общественного мнения по результатам отдельных зондажей могли увидеть, скорее — предположить лишь серьезные социальные аналитики и ученые-естест-

венники, в наше время может быть выявлено при сопоставлении трендов мнений и развития реальных общественных процессов. Лет 50–70 назад в научных, журналистских и политических кругах, обсуждая перспективы изучения мнений населения, говорили примирительно: «Время покажет!». Сейчас есть основания отвечать: «Время показало».

Конкретизацией первого из приведенных утверждений могут служить основные положения книги двух известных и весьма сдержанных в своих выводах авторов – Б. Пейджа и Р. Шапино, название которой может быть переведено как «Разумное население» [24]. Отталкиваясь от анализа полувесовых трендов политических представлений населения Америки, авторы показывают, что оно как целостная общность обладает реалистическими, устойчивыми и разумными мнениями о политике, которые развиваются и изменяются вполне обоснованно под влиянием обстоятельств и новой информации. Отмечая существование среди ученых и политиков скептицизма, даже некоторого пренебрежения относительно способности народа адекватно оценивать происходящее, Пейдж и Шапино аргументируют недостаточную обоснованность этого скепсиса и этой надменности [24, с. 1].

Еще одной иллюстрацией сказанного являются выводы К. Уоррена, успешно проводящего опросы общественного мнения по заказам крупнейших американских газет и телеканалов, а также хорошо знающего историю предмета. Среди ряда его итоговых заключений выделю два, представляющихся принципиальными в данном анализе. Они — следствие обобщения им опыта более чем полувесовой деятельности американских полстеров.

Первый вывод: профессионалы добиваются выдающейся точности данных [30, с. 59–67]. Подобное заключение делается на основе изучения итогов электоральных прогнозов, прежде всего служб Гэллапа и Харриса. По оценкам Уоррена, погрешность предсказаний итогов голосований в 11 президентских выборах, состоявшихся с 1956 по 1996 год, расположена в трехпроцентном интервале, и средняя величина отклонения от результатов выборов равняется 1,6 процентов. Луис Харрис (Louis Harris, р. 1921), основавший в 1956 году свою фирму Louis Harris and Associates, приступил к электоральным опросам и прогнозированию результатов выборов в 1960 году. Лишь в двух из девяти случаев его прогнозы отклонялись от итогов голосования более, чем на три процента, и средняя погрешность в предсказании — 2,5%. Со ссылкой на результаты анализа У. Митовски, основателя методики exit polls, приводятся данные о прогнозах фирмы Mason-Dixon, специализирующейся в проведении различного вида электоральных зондажей в штатах. В целом картина получается интересной и поучительной (таблица 2). Свыше 60% прогнозных заключений о результатах президентских выборов в штатах находятся в интервале трех процентов, для выборов сенаторов от штата этот показатель — 47%.

Таблица 2. Погрешности электоральных прогнозов в штатах

Величина погрешности в предсказании голосов лидировавшего кандидата (%)	Количество президентских выборов	% величин погрешностей	Количество выборов в сенат	% величин погрешностей
10 и более	2	4	6	12
7–9	9	16	7	14
4–6	10	18	13	27
1–3	26	47	22	45
менее 1	8	15	1	2
Итого	55	100	49	100

Второй вывод Уоррена, представляющийся мне крайне важным, выходит собственно за рамки технологии опросов и имеет общенаучный и социокультурный характер: по мнению Уоррена, опросы помогают фиксировать и интерпретировать историю, т.е. видеть новые механизмы социального развития и полнее раскрывать характер деятельности социальных акторов [30, с. 67–71]. Речь идет о том, что в наше время исследователи прошлого, используя надежную информацию, имеют возможность в своих объяснениях событий многодесятилетней давности сравнивать отношение к ним представителей разных поколений. Более того, в своих трактовках истории они впервые должны учитывать новое социокультурное обстоятельство: политическая элита и значительные группы населения, благодаря средствам массовой информации, знали отношение общества к происшедшим событиям. Скажем, Франклину Рузвельту было известно отношение разных слоев населения к участию страны во Второй мировой войне и проводимой им политике, тогда как английский король Георг II не мог знать, как относились его подданные к войне с Америкой, борющейся за свою независимость.

Начав с определенной регулярностью выявлять отношение американцев к различным проблемам жизни общества, Гэллап сделал важное социокультурное изобретение: то был первый шаг к созданию технологии анализа трендов массового сознания. Уже сегодня цена коллекции данных, собранной им и пополняемой его последователями, чрезвычайно высока, и каждый новый замер мнений американцев по этим проблемам принципиально увеличивает ее ценность. По сути, речь идет о непрерывном росте ценности наследия, оставленного Гэллапам последующим поколениям.

Впечатляющая летопись

В отборе для данного анализа индикаторов, по которым гэллаповская организация полвека и дольше проводит мониторинг общественного мнения, я следую указанной книге Р. Ними, Д. Мюллера и Т. Смита. Кроме того на сайте <http://www.gallup.com>, на котором публикуются итоги текущих опросов The Gallup Organization, есть неплохой архив данных, собранных в предыдущие десятилетия. В одной статье невозможно перечислить, тем более — кратко рассмотреть все направления, по которым Гэллап и его последователи уже много десятилетий ведут мониторинг общественного мнения. И все же анализ, охватывающий десять индикаторов, в предметном и хронологическом отношении дает достаточно полное представление о темах, 50–70 лет назад выбранных Гэллапом для динамического анализа общественного мнения.

Ограничения на объем журнальной публикации не позволяют привести графические представления описываемых ниже трендов. Необходимая информация может быть найдена в указанных выше источниках.

Важнейшие проблемы страны

В сентябре 1935 года, т.е. в одном из первых своих опросов, Гэллап предложил респондентам отметить самые важные, по их мнению, проблемы, стоявшие перед страной [23, с. 14, 39]. Эта тема одновременно отражала заинтересованность издателей газет, финансировавших зондажи, и соответствовала видению Гэллапом характера читательских интересов. Как журналист, он понимал, что результаты ранжирования самых горячих проблем жизни страны будут с интересом читаться в разных частях Америки и комментироваться журналистским сообществом. Кроме того, он видел ценность подобной информации для политиков любого уровня. Так оно и оказалось. Вопрос — сработал, результаты были интересны всем.

1936 год прошел под знаком президентских выборов, и вопрос о важнейших проблемах страны Гэллап посчитал уместным задать опрашиваемым лишь по завершению выборов, в декабре. Третий опрос по этой теме был проведен в декабре 1937 года.

Испытания завершились, Гэллуп принял решение о регулярном изучении мнений людей по важнейшим проблемам страны; в некоторые годы вопрос задавался один-два раза, чаще — три-четыре, нередко — пять раз и более. Так в 1960 году «температура» общественных проблем фиксировалась каждый месяц. При жизни Гэллупа, т.е. до конца 1984 года, вопрос использовался 180 раз, и в его семидесятилетней истории было лишь два года (1943 и 1944), когда американцам не было предложено ответить на него. Все было и так ясно: страна участвовала в войне. В последние годы вопрос о важнейших проблемах страны включается в опросы The Gallup Organization ежемесячно.

Формулировка вопроса полукрытого типа: «По Вашему мнению, что является важнейшей проблемой страны сегодня?» за многие годы не изменилась, но набор предлагаемых ответов слегка варьируется. Это объясняется не методическими соображениями, но конкретными реалиями внешней и внутренней политики Америки. Ответы респондентов обычно объединялись в три большие группы: переживания по поводу экономической ситуации в стране, озабоченность внешнеполитическими проблемами и различные проблемы внутренней политики. В годы жизни Гэллупа Вторая мировая война, «холодная война» и другие международные события первенствовали — как причины обеспокоенности — до начала 60-х, а затем на рубеже 60-х и 70-х, т.е. в годы войны во Вьетнаме. Проблемы экономики чаще всего назывались в конце 60-х — начале 70-х, а также в начале 80-х. Среди внутренних проблем лидировали в середине 60-х расовые отношения, и в конце 70-х — вопросы ухудшения окружающей среды [13].

В целом еще полтора десятилетия назад авторы указанного выше обстоятельного исследования по динамике американского общественного мнения так комментировали всю совокупность гэллуповских наблюдений за трендами отношения населения к болевым точкам страны и общества: «... это уникальная и впечатляющая летопись переживаний населения на протяжении свыше полувековой истории страны» [23, с. 14]. Вопрос продолжает жить, и потому завершающая часть приведенного вывода может быть усилена: «на протяжении семи десятилетий».

Отношение к профсоюзам

К должностям явно относится вопрос об отношении американцев к профсоюзам (labor unions), впервые заданный в 1936 году: «Вы одобряете или не одобряете трудовые объединения?». Это произошло через год после того, как Конгресс одобрил Закон о национальных трудовых отношениях (National Labor Relations Act), по которому работники получили право создавать свои объединения и требовать от работодателя учитывать их коллективное мнение. Все началось с соотношения 72% к 20%, т.е. значительное большинство населения страны одобряло существование профсоюзов. За истекшие семь десятилетий первый показатель варьировался в пределах 55–75%, второй — в интервале 16–39%. Но всегда процент одобряющих объединения работников был выше, чем не одобряющих. В 1983 году две трети американцев (66%) высказывались за существование профсоюзов и около трети (29%) не соглашались с этой точкой зрения. При этом лишь в 18% американских семей был хотя бы один член профсоюза [22].

С середины 80-х ситуация в этой области практически не изменилась, в течение двух последних десятилетий доля респондентов, одобряющих профсоюзы, варьировала в узком промежутке между 58% и 65%, среднее значение равно 60%. Осенью 2005 года были лишь 15% семей, в которых кто-либо состоял в профессиональном союзе [20].

Работа замужней женщины

Осенью 1936 года Гэллуп предложил респондентам вопрос: «Должна ли женщина зарабатывать деньги, если муж способен ее обеспечить?» [23, с. 225]. Лишь 18% американцев ответили на этот вопрос утвердительно. Считается, что по-

добная реакция была свидетельством не патриархальности, «домостроя», но прежде всего — отголоском времени Великой депрессии, когда в стране не хватало рабочих мест. Этот показатель имел то же значение и в период завершения войны; в 1945 году общество придерживалось точки зрения, что рабочие места следует освобождать для тех, кто вернется из армии. К середине прошлого века доля американцев, полагающих, что замужняя женщина может участвовать в бизнесе и производстве (55%) превосходила долю тех, кто полагал, что она не должна работать, если ее муж может обеспечить ее жизнь (40%). Несмотря на некоторые флуктуации, к концу 70-х доля сторонников работы замужних женщин выросла до двух третей, в 1983 году она равнялась 75%, а еще через пять лет — 79%.

Количество детей в семье

Зримой иллюстрацией многих технологических и урбанистических процессов и ярким отражением изменений социально-культурной среды является кривая динамики установок американцев на идеальное число детей в семье. В 1936 году две трети (64%) респондентов считали, что в семье должно быть три и более ребенка и одна треть (34%) — не более двух детей.

В течение последующих тридцати лет число сторонников малодетных семей снижалось, а многодетных — возрастало: в 1967 году доля первой группы в структуре взрослого населения составляла 23%, второй — 70%. В первой половине 70-х произошло качественное изменение в установке на детность семьи. Сначала численности рассматриваемых двух групп сравнялись, а затем число считавших идеальным для семьи иметь не более двух детей стало быстро расти, а число тех, для кого идеалом было три и более ребенка, снижаться. К середине 80-х доля приверженцев типа семьи с небольшим числом детей выросла до 66%, а доля людей, придерживавшихся иного идеала (три и более ребенка), упала до 23%. В целом с 1967 по 1986 год доля американцев, видевших идеальным небольшое число детей в семье, росла ежегодно на 2,2–2,3%. Но затем начался и продолжался до завершения века обратный процесс: постоянно усиливалась установка на многодетную семью. К 1997 году доли групп, придерживавшихся разных взглядов на количество детей в семье, почти сравнялись: 50% видели идеал в том, чтобы было не более 2 детей, 42% — три и более. Таким образом, доля первых ежегодно сокращалась на 1,5%, а доля вторых — росла на 1,7%.

Заметим, что статистика установок относительно численности семьи и показатели рождаемости детей в Америке оказываются в целом согласованными. С момента завершения Второй мировой войны и до 1967 года среднее количество детей, рожденных в США, было относительно высоким и колебалось от 2,7 до 3,7. К 1973 году величина этого показателя упала до 1,9, а к 1997 году возросла до 2,1.

Отношение к смертной казни

Применение в Америке смертной казни было и уже долгие годы остается одной из наиболее распространенных тем общественного обсуждения. В 1936 году Гэллуп сконструировал вопрос, который в неизменной формулировке используется и в наше время: «Вы поддерживаете смертную казнь для человека, осужденного за убийство?» [12]. Тогда и на следующий год почти две трети американцев (60%) ответили утвердительно, и трое-четверо из каждых десяти — отрицательно. С середины 50-х до начала 70-х годов общественное мнение в целом было крайне сдержанным относительно применения этой формы наказания преступников; так в 1968 году, единственный раз в истории мониторинга общественного мнения по этой теме, доля протестующих против смертной казни (47%) была выше доли сторонников (42%). Затем последовал быстрый рост числа сторонников высшей формы наказания, и в середине девяностых (1994 год) их доля во взрослом населении страны составляла 80%, против — выступали немногие (16%). На рубеже прошлого и нового ве-

ков общество стало несколько терпимее: среднее по 17 опросам, проведенным с 1995 по 2005 год (в некоторые годы этот вопрос задавался два и три раза), равно 69%.

Образ президента Америки

В 1937 году Гэллуп приступил к изучению того, в какой мере американцы готовы голосовать за кандидата в президенты, если он не белый мужчина, не протестант, но представитель различных меньшинств. Хотя эта тема имеет явное отношение к организации предвыборных кампаний, судя по всему, Гэллуп трактовал ее более широко, как одно из направлений своих социокультурных поисков. Во всяком случае, систематические исследования массовых представлений о президенте начались в 1945 году.

После долгой борьбы многочисленных феминистских движений в 1920 году была принята 19-я поправка к Конституции США, согласно которой права граждан на участие в выборах не были связаны с полом; женщины, проживающие во всех штатах страны, получили возможность голосовать и быть избранными. Таким образом, опрос 1937 года, по сути, зафиксировал начало процесса осознания американцами того обстоятельства, что президентом страны в принципе может стать женщина. Вопрос звучал так: «Если Ваша партия выдвинет на пост президента во всех отношениях высоко квалифицированного индивида, который будет женщиной, проголосуете Вы за этого индивида?», и было предусмотрено два ответа: «да» и «нет». Естественно, фиксировалась и доля не ответивших. Треть (33%) заявила о своей готовности проголосовать за женщину на президентских выборах, но вдвое большая часть населения (64%) не была готова к этому.

Несколько более десяти лет потребовалось на то, чтобы общество достигло равновесного состояния относительно поддержки на президентских выборах кандидата-женщины: в 1949 году группы «за» и «против» составляли по 48%. Таким образом, в течение названного периода количество избирателей, в принципе готовых признать за женщиной право управления страной, увеличивалось ежегодно в среднем на 1,2–1,3%. В течение следующих двух десятилетий динамика рассматриваемого процесса выглядела иначе: до конца 60-х доля готовых избрать женщину на высший руководящий пост в стране незначительно колебалась вокруг среднего уровня 55%, но при этом доля не готовых сделать это ежегодно снижалась примерно на полпроцента. В итоге в 1969 году более половины американцев (53%) заявляли о своей готовности проголосовать за женщину на президентских выборах, и лишь ответы четвертых из десяти (40%) не указывали на подобную готовность. В последние 30 лет прошлого столетия все определилось окончательно: первая группа (склонные поддержать на президентских выборах женщину) стремительно росла (ежегодно на 1,3%), вторая — столь же быстро (1,1%) сокращалась. К концу века идея выбора женщины на пост президента фактически была полностью осознана и принята обществом: «за» — 92%, «против» — 7%. В опросе, проведенном за полтора года до президентских выборов 2004 года, 87% американцев были готовы проголосовать за кандидата-женщину [26].

В феврале 1937 году впервые у американцев спросили, проголосуют ли они за кандидата в президенты, если он будет евреем. (Исследовательский вопрос формулировался в точности так, как он задавался относительно кандидата-женщины). Тогда отношение населения разделилось на две равные группы: 46% ответили «да» и 47% — «нет». К этой теме Гэллуп вернулся в 1958 году; два зонда, проведенных в июле и сентябре, показали заметный сдвиг в сторону поддержки кандидата-еврея: почти две трети (62% и 63%) населения выразили готовность проголосовать за такого политика и менее трети (28% и 29%) — не делали бы этого. В последующие годы доля американцев, отмечавших, что на выборах президента могут поддержать кандидатуру еврея, продолжала монотонно расти, и к началу осени 1987 года она составила 89% [23, с. 26]. В опросе 2003 года этот показатель также равнялся 89% [19].

В сентябре 1937 года начался мониторинг отношения населения страны к кандидату, представляющему еще одну группу меньшинств — католиков. 60% респондентов заявили о том, что проголосуют за квалифицированного политика-католика, и вдвое меньшая доля (30%) — воздержатся от этого. Затем расположенность к кандидату-католику стала расти, и в мае 1960 года этот показатель равнялся 71%. Через несколько месяцев Америка впервые выбрала президента-католика Джона Кеннеди. В начале 1983 года преобладающее большинство нации (92%) было готово проголосовать за кандидата, исповедующего католицизм [23, с. 27]. К началу нового столетия (2003 год) рассматриваемая установка сохранилась (93%) [21].

В 1958 году американцев впервые спросили об их готовности поддержать кандидата-атеиста; только 18% были готовы проголосовать за него. К 1987 году, т.е. за тридцать лет, этот показатель вырос всего до 44%. Получается, что религиозная принадлежность кандидата — не очень значимая характеристика будущего президента страны, но он должен быть верующим человеком.

В том же 1958 году, через два десятилетия после начала мониторинга отношения населения к выбору женщины, еврея, католика на пост президента страны, Гэллуп впервые задал аналогичный вопрос применительно к кандидату афроамериканцу (в формулировке вопроса — «черный»); тогда 38% населения сказало «да» и 54% — «нет». В последующие годы в силу ряда принципиальных социокультурных обстоятельств, включающих выступления против войны во Вьетнаме, движение хиппи, принятие в 1964 году Акта о гражданских правах, позитивная установка относительно выдвижения на пост президента черного американца разделялась все большим количеством населения. К 1969 году уже две трети американцев (66%) заявляли о своей готовности голосовать за такого кандидата. В промежутке между 1987 и 1997 годами этот показатель вырос с 79% до 93%, а в начале 1999 года достиг 95%. Другими словами, к концу прошлого века, по мнению избирателей, раса кандидата в президенты не определяла их выбор. Летом 2003 года 92% американцев сказали, что готовы голосовать за черного кандидата [25].

Религиозность, церковность

В опросе, проведенном в октябре 2005 года, 80% респондентов сказали, что уверены в существовании бога и еще восемь процентов — лишь совсем немного сомневаются в этом. Две трети американцев (66%) считают себя членами той или иной церковной общины, каждый из них в течение полугода бывал на богослужении, не считая такие события, как свадьбы, похороны и особые праздники типа рождества, Пасхи. В двух опросах того же года (апрель и май) более половины участников (55% и 57% соответственно) сказали, что религия занимает очень важное место в их жизни и четверть (25% и 28%) — что она достаточно важна. С 1957 года изучается мнение людей относительно роста или снижения роли религии в Америке. В течение этого столетия общественное мнение менялось волнообразно. В 2005 году каждый второй опрошенный (50%) констатирует усиление роли религии и почти такая же доля взрослых (47%) фиксирует обратную тенденцию [27].

Еще более продолжительной является история вопроса: «Вы являетесь прихожанином какой-либо церкви или синагоги?» [27], он впервые использовался в 1937 году. Тогда, семь десятилетий назад, 73% опрошенных ответили «да» и этот показатель менялся во времени. Среднегодовой показатель (вопрос задается несколько раз в год) за период с 1937 по 1999 годы равен 70%. Начало века охарактеризовалось некоторым снижением его величины; среднее по десяти опросам 2000–2005 годов равняется 65%. Чуть короче жизнь вопроса о регулярности посещения церкви: «Посещали ли вы лично церковь, синагогу в течение последних семи дней?» [27, с. 2], год его рождения — 1939. Здесь тоже высокая стабильность: выше 65 лет позитивный ответ на него дают 40%–45% опрошиваемых. Вся приведенная статистика суждений указывает на то, что США — страна религиозная и церковная.

Употребление спиртных напитков

В конце 1930-х Гэллуп приступил к изучению потребления алкогольных напитков: «Вы употребляете алкогольные напитки, такие, как ликер, вино, пиво или вы вообще не пьете?» [8]. В июне 1939 года шестеро из десяти взрослых американцев (58%) потребляли различного вида алкогольные напитки и четверо (42%) — нет. Второй раз это вопрос был задан лишь в 1945 году, и после этого он стал использоваться ежегодно. До конца века, т.е. свыше пятидесяти лет, этот показатель варьировался в интервале от 55 до 71 процентов, и среднее значение за эти годы составило 63 процента. В первые годы нового века заметных изменений в потреблении алкоголя не произошло; с 2001 по 2005 годы оно варьировало в узком интервале — от 62 до 66 процентов.

В 1947 году впервые изучалось мнение людей относительно проблем в семье, возникающих в связи с потреблением алкоголя: «Бывает ли потребление алкоголя причиной напряженностей в вашей семье?» [8, с. 2]. Тогда лишь 15% опрошенных фиксировали подобную проблему в своей жизни. Следующий раз этот вопрос был задан лишь через два десятилетия (1966 год), и опять лишь небольшая доля респондентов (12%) указали, что потребление спиртных напитков является причиной трудностей в семье. С 1978 по 1996 год каждый четвертый респондент признавал наличие обсуждаемой семейной проблемы, а последние годы — каждый третий. Поскольку доля людей, потребляющих алкоголь, держится долгие годы на одном уровне, постольку рост числа семей, отмечающих существование рассматриваемого типа проблем, есть следствие двух обстоятельств. Во-первых, это объясняется новыми представлениями членов семей, прежде всего — женщин, о своих правах на нормальную, спокойную семейную жизнь. Во-вторых, ослаблением табу на обсуждение внутрисемейных проблем; респондент, имеющий дома проблемы, порожденные пьянством одного из членов семьи, не испытывает той неловкости, дискомфорта, признавая их, которую испытывали люди несколько десятилетий назад.

Курение и рак легких

С 1944 года осуществляется мониторинг курения: «В течение прошедшей недели вы лично выкурили какое-либо число сигарет?» [29]. По данным отстоящего от нас на шесть десятилетий зондажа, четверо взрослых американцев из десяти (41%) выкуривали в день хотя бы одну сигарету. Такая ситуация сохранялась до середины 70-х (в 1974 году — 40%), а затем она начала стремительно меняться. На рубеже прошлого и настоящего столетий лишь один из четырех взрослых американцев курил: в 1999 году — 23%, в 2000 году — 25%. Получается, что в силу различных обстоятельств в течение последней четверти века доля курящих сокращалась ежегодно на полпроцента. В первые пять лет нового столетия доля тех, кто выкуривает ежедневно некоторое число сигарет, колебалась в интервале от 24 до 28 процентов, и средняя величина равнялась 25 процентам.

Начиная с 1944 года задается вопрос и о том, сколько человек выкуривает в день: «Сколько сигарет Вы выкуриваете ежедневно?» [29]. За шестьдесят лет интенсивность курения заметно снизилась. В 1944 году одна пачка курильщиков (22%) выкуривала более одной пачки в день, треть (33%) — одну пачку и почти каждый второй (43%) — менее пачки. В 2005 году доля наиболее активных курильщиков сократилась до 9%, пропорция второй группы осталась той же (31%), но менее пачки в день выкуривают 58%.

В определенной мере снижение числа курящих и количества выкуриваемых ежедневно сигарет обусловлено пониманием большинством взрослого населения Америки существования связи между курением и раком легких. Однако это не произошло мгновенно. В январе 1954 года, отвечая на вопрос: «Вы полагаете, что курение сигарет является одной из причин рака легких?» (Do you think cigarette smoking is one of the causes of lung cancer?), лишь 41% взрослых аме-

риканцев признали связь рака легких с курением; до начала 60-х доля людей, разделявших эту точку зрения, росла ежегодно примерно на 1,2%. В течение 60-х произошел заметный скачок в понимании рассматриваемого факта, ежегодно доля людей, признававших негативное влияние курения на здоровье, увеличивалась на 2%. За следующие три десятилетия, до конца 90-х, эта идея была осознана практически всем взрослым населением страны (в 1990 — 94%, в 1999 — 92%). Кривая роста доли людей в обществе, признающих факт зависимости между раком легких и курением, фактически достигла верхнего возможного уровня. Можно считать, что к концу века это положение в целом стало общепринятым.

Отношение к налогам на доходы

Платить налоги — мало приятно, но в целом американцы их платят; наказание за сокрытие доходов, уклонение от платы налога может быть очень серьезным. Налоги и отношение к ним — одна из важнейших сторон жизни США, и потому в середине 1930-х годов Гэллуп начал изучение общественного мнения по поводу налогов и того, как правительство тратит собираемые деньги. В 1947 году им был впервые предложен вопрос, формулировка которого сохранилась до настоящего времени: «Вы считаете федеральный налог на доходы, который вы должны заплатить, слишком высоким, оправданным или слишком низким?» [28]. В среднем по итогам двух опросов того далекого года 59% американцев признали размер налога слишком высоким и 36% — обоснованным. Различия (разность) между двумя этими показателями на протяжении шестидесяти лет заметно варьировались; были краткие периоды, когда эта разность была относительно невелика, но, как правило, доля населения, по мнению которого налоги были слишком высоки, заметно превышала процент тех, кто готов был согласиться со ставками налогов. Особо заметной эта разность была в период с конца 60-х до начала 90-х годов и с 1994 года до завершения века; доля населения, полагавшая величину налога слишком высокой (она слегка варьировалась в области 60%), в среднем на 30% (т.е. вдвое) превосходила долю тех, кто считал размеры налогов нормальными. В 2004 и 2005 годах, т.е. после атаки на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года, лишь половина американцев (50–51%) отмечает слишком большую величину налогов. Эксперты объясняют это тем, что население понимает, что перед руководством страны стоит множество проблем, решение которых требует крупных государственных затрат.

Тематика будущих исследований

В социологию как науку временные ряды вошли значительно раньше, чем началось регулярное изучение общественного мнения: например, переписи населения и социальная статистика развития отраслей, территорий и государств. Однако все это лишь **косвенно** отражало массовое сознание, установки и то, как они трансформировались, отвечая на вызовы времени. Только развитие технологии научных опросов общественного мнения позволило социологии и психологии перейти к **прямо**му замеру мнений людей по практически неограниченному спектру проблем, волнующих общество. Таким образом, исследователи общественного мнения, и Гэллуп прежде всего, стали первыми в изучении динамики массового сознания.

Думается, что профессиональное сообщество социальных аналитиков еще не в полной мере осознает факт обладания им серией рядов многодесятилетних наблюдений за общественным мнением; это произойдет в ближайшие годы и повлечет за собою возникновение новых и перепрочтение старых теоретико-методологических и методико-инструментальных проблем. Вряд ли сегодня можно хотя бы в общих чертах описать это новое проблемное поле, но представляется возможным назвать некоторые из обнаруживаемых исследовательских направлений.

Прежде всего, думается, социологии как науке предстоит выработать новое видение результатов зондажей общественного мнения. В настоящее время доминирующим является

представление о том, что опросы населения — это лишь приемы фиксации отношения населения к текущим событиям, и по мере удаления от них цена получаемой информации резко снижается. Это обманчивое представление. Действительно, чтение вчерашних газет и прессы недельной давности не очень интересное дело. Но газеты полувековой давности или еще более удаленного прошлого крайне интересны и содержательны и для тех, кто пусть смутно, но помнит те времена, и для представителей новых поколений. Аналогичное относится и к результатам опросов общественного мнения; итоги зондажей установок населения по событиям недельной давности могут представляться уже малоактуальными, пройденными, пережитыми. Но ознакомление с этими же результатами через десятилетия, тем более если речь идет о трендах, дает ценнейшую информацию не только о прошлом, но и о настоящем. Социология, выработавшая приемы изучения, интерпретации этих рядов, освоившая, впитавшая в себя картины сознания людей разных поколений, будет много богаче, чем современная наука и в теоретическом плане, и в разработке практических рекомендаций обществу.

Второе, длинные ряды — это уже элемент отражения макродействительности и предмет глубинных социальных исследований, лежащих в области пересечения социологии, социальной психологии, истории, политологии и экономики. Взять хотя бы рассмотренные выше ряды наблюдений за представлениями людей об идеальном числе детей в семье или их образом президента. Любая серьезная попытка интерпретации динамики этих мнений даст не только новое видение истории Америки за прошедшие семь десятилетий, но, безусловно, обогатит видение процессов функционирования общественного мнения, его природы, даст мощный импульс развитию науки.

Свыше шестидесяти лет назад Хэдли Кэнтрилом (Albert Hadley Cantril, 1906–1969) были сформулированы 17 законов изменчивости общественного мнения; это была первая попытка обобщения рядов наблюдений Гэллага и других полстеров. В частности, он отмечал [9, с. 226–230]:

- Мнение высокочувствительно к значимым событиям.
- Чрезвычайно важные события способны временно менять общественное мнение от одной крайности к другой. Картина мнений не стабилизируется до тех пор, пока не обнаружатся определенные последствия этих событий.
- С точки зрения психологии, мнение базируется на личной заинтересованности. События, слова и другие стимулы воздействуют на мнения только в той мере, в какой очевидна их связь с личными интересами людей.
- Мнения неустойчивы, за исключением случаев, когда люди чувствуют, что непосредственно затронуты их личные интересы, или когда мнение, вызванное словами, подкрепляется событиями.

Кэнтрил изучал короткие ряды и потому в принципе не мог целенаправленно обсуждать вопросы феноменологии значимых, важных событий, говорить о скорости стабилизации мнений и прочее. Теперь это может быть сделано.

Третье: мне уже приходилось писать об удивительной способности Гэллага понимать ход течения социального времени; скорее всего это и позволило ему выбрать для мониторинга мнения, суждения людей о тех сферах, аспектах действительности, которые не ситуативны, но всегда в той или иной степени интересуют, волнуют население. Этим, а не логичностью, обоснованностью, точностью формулировок прежде всего объясняется живучесть гэллаговских вопросов-индикаторов. Мир постоянно развивается, все время возникают темы, явления, которые могут стать предметом постоянного, долгосрочного интереса населения в целом или больших групп людей; наука и общество многое приобретут, если сегодня аналитики общественного мнения вовремя, в момент зарождения новых социальных «фантомов» смогут измерить отношение к ним. Систематическое изучение предметной области, уже охваченной многолетним мониторингом, может дать общие принципы выявления новых областей для длительного наблюдения за динамикой мнений.

Четвертое: технология анализа динамики общественного мнения сложилась в начале 1940-х годов и в принципе мало изменилась с тех пор. Ее отличительными чертами являются одномерность, тривиальность обработки наблюдений и описательность. Исследование длинных рядов в принципе так не может строиться; будут использоваться математические методы анализа процессов, которые позволяют изучать одновременно, параллельно изменчивость множества рядов, а это означает, что описание каждого из трендов автоматически будет элементом анализа ансамбля индикаторов массовых установок и мнений. Соответствующие математические приемы давно созданы и применяются при исследовании процессов различной природы; ясно, что они найдут применение и в социологии. Особенно привлекательным и эффективным может быть исследование ансамблей индикаторов двух типов: «субъективных», т.е. отражающих особенности сознания населения, и «объективных», базирующихся на социальной статистике разного вида. Тогда смогут быть полнее иллюстрированы, возможно, уточнены не только приведенные выше законы Кэнтрила, но и ряд других обнаруженных им закономерностей. Например:

- Как правило, общественное мнение не предвосхищает событий, оно реагирует на них.
- Если затронуты личные интересы, мнение нелегко изменить.
- Когда затронуты личные интересы, общественное мнение в условиях демократии, вероятнее всего, опережает официальную политику.

В 1948 году Кэнтрил вернулся к рассмотрению изменчивости общественного мнения и ввел 20 новых теоретико-эмпирических закономерностей. Хотя, согласно Кэнтрилу, новые принципы не были приложением или дополнением к ранее сформулированным законам, а должны были рассматриваться как их обобщения более высокого порядка. Это было не совсем так. Среди законов 1948 года были те, которые действительно надстраивались над «старыми», но были и такие, которые содержали принципиально новый взгляд на природу общественного мнения и предполагали расширение исследовательских методов [10]. Легко понять, что исследование длинных рядов обещает открытие новых закономерностей.

Говоря о ростках нового в методологии исследований (анализа) динамики общественного мнения на длинных временных интервалах, было бы неверным не обратить внимание на то, что в последние годы делается Б.А. Грушиным (р. 1929) [2]. В конце 1990-х годов им был начат проект «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения» [1, с. 5], предусматривающий обобщение результатов более чем 250 исследований, проведенных им на протяжении четырех десятилетий и касающихся практически всех сфер жизни советского/российского общества в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Грушин исходит из того, что его многолетние наблюдения за различными проявлениями общественного сознания россиян помогут ему дойти до сути перестроечных и более поздних «социотраснений».

Исходным пунктом теоретико-эмпирических обобщений Грушина является предложенная им система критериев [1, с. 4–38], определяющих логику его анализа менталитета. В отличие от многих историков, политологов, социологов, подчеркивающих неуловимость, неформализуемость того, что обозначается понятием «менталитет», Грушин осуществляет свои поиски в четко описываемой десятимерной системе координат, которая, по сути, задает, вводит «ментальное пространство Грушина». Разработанный и испытанный им подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого можно называть голографическим. В основе голографии как направления физики лежит способ получения объемных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину также удастся плоское в прошлом «изображение» сделать объемным; при этом становится возможным рассмотреть и описать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в ее плоскостной, двумерной проекции [5].

Завершая статью, хотелось бы коснуться вопроса об отношении Гэллага к тому, что составляло суть его многолетней деятельности, в чем он видел главный смысл своей работы; речь идет одновременно о видении Гэллагом роли общественного мнения и о понимании им технологии опросов.

В книге Кэнтрила, многие из идей которой им неоднократно обсуждались с Гэллагом, есть еще два важнейших закона:

- Когда затронуты личные интересы, общественное мнение в условиях демократии, вероятнее всего, опережает официальную политику.
- Вообще говоря, если в условиях демократии людям предоставляют возможности для образования и обеспечивают доступ к информации, то общественное мнение демонстрирует практически здравый смысл. Чем больше люди знают о возможных последствиях событий и предложениях, отвечающих их личным интересам, тем вероятнее, что они согласятся с объективной точкой зрения опытных экспертов.

Эти выводы были сформулированы Кэнтрилом в начале 40-х. Гэллаг пришел к аналогичным заключениям еще раньше, более того, подобное представление о роли и содержании общественного мнения, восходящее в том числе к выводам Джеймса Брайса (James Bryce, 1838–1922) [2, с. 46–50], было импульсом исследовательской деятельности Гэллага, оно исходно стимулировало всю его научную и организационную работу, предшествовавшую началу проведения опросов в 1935 году.

Литература

1. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
3. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006 (в печати).
4. Докторов Б. Гэллаговское наследие: прошлое и настоящее одного из наиболее известных социологических индексов // Телескоп. 2001. № 6. С. 30–41; 2002. №1. С. 26–36.
5. Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет // Телескоп. 2005. № 2. С. 15–19.
6. Фирсов Б.М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп. 2005. №1. С. 2–12.
7. A Century of Change <http://www.census.gov/mso/www/centennial/change.htm>.
8. Alcohol and Drinking <http://brain.gallup.com/content/?ci=1582>.
9. Cantril H. Gauging Public Opinion. Princeton: Princeton University Press, 1944.
10. Cantril H. Opinion Trends in World War II: Some Guides to Interpretation // Public Opinion Quarterly. 1948. Vol. 12. No. 1. P. 30–44
11. Census 2000 Demographic Profile Highlights. http://factfinder.census.gov/servlet/SAFFacts?_event=&geo_id=01000US&_geoContext=01000US&_street=&_county=&_cityTown=&_state=&_zip=&_lang=en&_sse=on&ActiveGeoDiv=&_useEV=&pctxt=fp&h&pgsl=010
12. Death Penalty <http://brain.gallup.com/content/default.aspx?ci=1606>.
13. Frank N. Americans Clear That Economy Is Most Important Problem Facing Country. <http://www.gallup.com/poll/releases/pr030512.asp>.
14. Gallup G. Foreword // J.M. Fenton. In Your Opinion... Boston: Little, Brown and Co., 1960.
15. Gallup G. The Changing Climate for Public Opinion Research // Public Opinion Quarterly. 1957–1958. Vol. 21. No. P. 26–27.
16. Gallup G. The Miracle Ahead. New York: Harper & Row, Publishers, 1964.
17. How the Nation Has Changed Since the 1930 Census http://www.census.gov/pubinfo/www/1930_factsheet.html.
18. John M. Fenton, Jr. (Obituaries) // Town Topics. 2004. Vol. 55. No. 25. <http://www.towntopics.com/jun2304/obits.html#obit3>.
19. Jones J.M. Majority of Americans Say Anti-Semitism a Problem in U.S. <http://poll.gallup.com/content/default.aspx?ci=8614>.
20. Labor Unions <http://brain.gallup.com/content/?ci=12751>.
21. Moore D.W. Little Prejudice Against a Woman, Jewish, Black or Catholic Presidential Candidate. <http://poll.gallup.com/content/default.aspx?ci=8611>.
22. Newport F., Moore D., Saad L. Long-Term Gallup Poll Trends: A Portrait of American Public Opinion Through the Century. <http://poll.gallup.com/content/default.aspx?ci=3400&pg=1>.
23. Niemi R.G., Mueller J., Smith T.W. Trends In Public Opinion. A Compendium of Survey Data. New York: Greenwood Press, 1989. <http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=28621255>.
24. Page B.I., Shapiro R.Y. The Rational Public. Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
25. Question: qn6b <http://brain.gallup.com/documents/question.aspx?question=144457&Advanced=0&SearchConType=1&SearchTypeAll=black%20candidate>
26. Question: qn6d <http://brain.gallup.com/documents/question.aspx?question=144459&Advanced=0&SearchConType=1&SearchTypeAll=woman%20candidate>
27. Religion <http://poll.gallup.com/content/default.aspx?ci=1690>.
28. Taxes <http://poll.gallup.com/content/default.aspx?ci=1714>.
29. Tobacco And Smoking 1944–2005 <http://brain.gallup.com/content/?ci=1717>.
30. Warren K.F. In Defense of Public Opinion Polling. Colorado: Westview Press, 2001.

Почему же тогда в 1960 году, в предисловии к книге Фентона (см. выше) Гэллаг, желая подчеркнуть ценность и значимость мнений американцев, их способность видеть и понимать происходящее в стране, цитировал слова физика Милликена, а не сформулировал эту мысль сам или не обратился к высказыванию полстеров, журналистов или политиков? Думается, что для Гэллага, воспитанного на философии Бэкона, представлялось крайне важным, что его работа была высоко оценена естествоиспытателем, экспериментатором высочайшего класса, понимавшем все тонкости процесса измерения. По сути, сказанное Милликеном воспринималось Гэллагом как высшее признание научности его подхода к изучению общественного мнения, что было для него существенным и существенным. Примерно в то же время Гэллаг писал: «Если слово «научный» не применимо к нам, то оно не применимо ни к кому из области социальной науки, — и совсем немногие представители естественных наук имеют право использовать это слово». Те, кто придерживался иной точки зрения, согласно Гэллагу, «не понимали природы нового научного измерения общественного мнения» [15, с. 26–27].

Существование более чем полувексовых рядов наблюдений за динамикой общественного мнения — безусловно, один из сильнейших факторов научности гэллаговской опросной технологии. Одновременно это и следствие общественного признания полезности, эффективности деятельности уже ряда поколений американских полстеров и исследователей общественного мнения.